

**Марина
Комарова**

**Люблю.
Целую.
ТВОЯ КРЫША**

**Москва
2019**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К63

Художественное оформление серии
Александры Харитоновой

Комарова, Марина Сергеевна.
К63 Люблю. Целую. Твоя крыша / Марина Ко-
марова. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-104395-7

Если на тебя падает мужчина — это знак. А если этот мужчина твой будущий начальник и совладелец роскошных апартаментов, значит, звезды сошлись. Жаль, никто не предупредил, что начальником он окажется властным, а в права полного владельца этих самых апартаментов можно будет вступить, только первым заключив брак. Ну, ничего, трудности нас не пугают, а азарт не дает сидеть на месте, ведь на кону не только карьера, но и любовь!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Комарова М., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
ISBN 978-5-04-104395-7 «Эксмо», 2019

Глава 1

Мать городов русских... и не русских тоже мать

На вокзале было трое.

Я, большой лимонный чемодан и Виталик. Виталик — чудовищно беспородный серый кот в претенциозно чёрную полосу. Мы завязали знакомство возле моего дома, когда Виталик с упоением трескал огромную рыбину в мусорном контейнере и чувствовал себя при этом превосходно. На здоровенной круглой морде отражались все радости мира ровно до того момента, как он увидел меня.

Мы посмотрели друг на друга, и я поняла: «Это судьба. Мы будем вместе».

С тех пор нас не разлучить. Нас — это хрупкую длинноногую брюнетку Виталину Сергеевну Футлярчик и её большого серого кота. Фамилия... ну, не надо смеяться. Что досталось, то досталось. К тому же, как по мне, очень хозяйственная фамилия. Прямо как её обладательница.

Мимо пробегали люди — хохотали, переговаривались, обнимались. Нас они разумно обходи-

ли со всех сторон: лимонный чемодан — почти как светофор, только можно врезаться и упасть.

— Нас не любят, — сообщила я Виталику, сидевшему в синей переноске и надменно взиравшему на толпу.

Киевский вокзал он не одобрял, но вынужден был терпеть. Потому что прекрасно знал, что каждый раз, когда мы приезжаем сюда, из-за угла, словно фея из сказки, выпархивает прекрасная Сашка Чубач и везёт в тёплое сытное место.

Но сейчас Сашка бессовестно опаздывала. Поэтому нам с Виталиком ничего не оставалось, как уйти подальше от синих вагонов, суетливых пассажиров и начинавшего накрапывать дождя.

Стоило переноске закачаться, как Виталик недовольно заворочался. Этого он и все его шесть килограммов живого веса не любили. Ибо носить самца надо с трепетом и почитанием, а не делать: «Смотри, качелька!» — прямо тут.

Я остановилась перед спуском с огромной лестницы и задумчиво посмотрела в сторону кафе. Есть хотелось жутко. Но с минуты на минуту появится Сашка, поэтому придётся страдать и надеяться: «Вдруг похудею!»

Поставив переноску с Виталиком за чемоданом, я растёрла предплечье. Тяжёлый, гад. Но куда ж денешь.

— Нет, вы не правы! — раздался рядом мужской голос.

Хрипловатый такой, низкий, запоминающийся. Почему-то на ум пришло сравнение с горча-

Люблю. Целую. Твоя крыша

щим крепким кофе с коричной ноткой. Замечательный баритон, от которого хочется сразу вспомнить, что ты женщина, таинственная и недоступная, а не только хозяйка кота.

Я повернула голову и тут же увидела обладателя чудного баритона. Так-так, некто в деловом темно-сером костюме, при галстукe, в дорогом плаще. Модная стрижка, волосы русые или светло-каштановые — не разобрать при таком освещении. Лицо мужественное, глаза прозрачно-зелёные, ничего от премерзкой болотной зелени, которую некоторые величают благородным нефритом. Губы полные, но сейчас чуть искривлены в ухмылке.

— Я не согласен, — тем временем произнёс он. — Так делать нельзя. Ни к чему хорошему это не приведёт.

Я невольно залюбовалась. Вот, честно говоря, не имею никакого пиетета перед официозом, белым воротничком и дорогими часами на запястье, но... смотреть было приятно. Во-первых, больше нечем заняться, во-вторых, есть на что посмотреть. Ибо и рост, и разворот плеч, и пластика... В общем, глазу приятно и на душе хорошо.

В кармане куртки зазвенел мобильный.

— Наша фея, — шепнула я Виталику, и тот довольно потянулся, выгнув широкую спину.

— Алло, Витка! — быстро заговорила Саша. — Я уже подъезжаю, стой и никуда не девайся. А то я знаю твои способности!

— Они потрясающие, — не стала отрицать я. — Стою перед спуском на первый этаж, прижимаю лимонным чемоданом клиентов.

— Не сомневаюсь, — буркнула она и отключилась.

Клиенты, конечно, совсем не те, о которых можно подумать, будучи развращённым нашим веком. Мои клиенты — это...

— Хорошо, я всё понял, — устало сказал объект моего наблюдения и провёл ладонью по лицу. — Решим на месте.

Он стоял всего в нескольких шагах и смотрел словно сквозь меня. Может, правда, поверх. При его росте это вполне реально, даже если я надену шапочку и буду прыгать на месте.

Природа наградила меня ростом в гордых метр пятьдесят четыре и явно была довольна результатом.

«Обидно, — решила я, — даже не глядит. А мог бы. Ему всё равно, а мне было бы приятно».

На самом деле, конечно, откровенно плевать, куда смотрит высокий, красивый, который...

Всё остальное случилось в мгновение ока. Неизвестно откуда появилась толпа чернявых смуглых иностранцев, непрерывно тараторящих на своём языке и совершенно не глядящих по сторонам. В результате чего все, кто шёл им навстречу, спешно удирали в разные стороны. Смуглый боевой отряд набирал скорость и уже практически превратился в живую боевую единицу.

Люблю. Целую. Твоя крыша

Решив уйти от греха подальше, я наклонилась, чтобы подхватить переноску, и тут сильный удар свалил меня с ног. Я вскрикнула, Виталик пискнул, чемодан завалился набок.

Меня придавило что-то тяжёлое и живое. Перед глазами мелькнула плитка с кривым узорчиком, рядом с моим ухом в неё упёрлась широкая ладонь.

— Твою... налево, — хрипло произнёс голос с горчинкой кофе. — Извините.

Виталик смотрел на нас круглыми от удивления глазами и не находил названия происходящему.

— Мужчина, вы на мне лежите, — придушено сказала я. — Или сейчас же перестаньте, или будем знакомиться.

— Извините, — произнёс он ещё раз.

Виталик зашипел. Он вообще считал, что венец природы — это коты. После них шли человеческие женщины и сардины в масле. Самцы класса млекопитающих отряда приматов находились на последней ступени развития. Как истинный мужчина Виталик любил меня и ревновал ко всем, кто пытался позариться на хозяйку и место котика в её постели.

Мне помогли встать и критически осмотрели с ног до головы. Благо не те объёмы, чтобы осмотр мог затянуться.

— Ушиблись? — спросил мужчина.

Правда, это больше походило на утверждение, чем на вопрос.

На лице, кстати, особого раскаяния не заметно. Сволочь. Мог бы хоть сделать вид, что огорчён. Хотя кто его знает, как нынче принято у этих современных, богатых и довольных жизнью.

— Ничего, переживём, — ответила я, увидев смуглых виновников нашего падения уже где-то внизу.

— То есть как это переживём?! — возмутилась Сашка Чубач, которая, как оказалось, наблюдала всю сцену с самого начала.

Подруга практически врзалась между нами, уставившись на мужчину разгневанным взглядом. Зрелище то ещё. Сашка повыше меня, она пепельная блондинка, непоседа и... несколько экзотическая внешне барышня. Как я предпочитаю яркие расцветки и совершенно попугайские украшения, так Саша просто обожает, чтобы было стильно. Оно, конечно, здорово, но порой не вписывается в реалии суровых будней. Сейчас вот она в белом. Приталенная куртка с модным воротом и косой молнией, короткая белая с серебром юбка, белые ботфорты, сумка тоже белая, с короткими шипами и камнями. Описание сумбурно, но выглядит хорошо. Только... не для дождливой киевской осени.

— Он не виноват, — тихонько сказала я, дёрнув подругу за рукав.

А потом и вовсе сунула ей чемодан, ибо Виталик и так разнервничался, поэтому зверя лучше тащить мне.

Люблю. Целую. Твоя крыша

Мужчина смотрел на меня, чуть прищурившись. Возмущение Саши его не особо впечатлило, но моя тщедушная персона явно беспокоила. Немного.

— Вы уверены, что всё в порядке? — спросил он.

— Уверены, — твёрдо сказала я, потянув подругу вниз по лестнице. — Мы пойдём. А вы там... по сторонам смотрите. А то меня не будет, вдруг упадёте на что твёрдое.

После чего отвернулась, мысленно обалдев от собственной дерзости. Видимо, чем-то стукнулась, раз такое выдала. Обернуться и посмотреть на мужчину совести не хватило, как и остатков смелости. Саша едва попевала за мной.

— У него было такое лицо... — начала было она, а я закатила глаза.

Обычное лицо, которым он чуть не въехал в пол. Ничего удивительного. Правда, скорее всего, его не испортили бы ни синяк, ни ссадина. Эх... что-то я сегодня какая-то романтическая. Наверное, от недосыпа.

— Ты чем занималась, пока я ехала? — подозрительно поинтересовалась Сашка.

— Ждала тебя, — ответила я чистую правду.

Снова завидев смуглую толпу опасных иностранцев, я мудро решила подождать, пока они выйдут. В это же время взгляд зацепился за пожилую женщину в дорогом пальто. Серые волосы аккуратно уложены, в ушах и на пальцах поблёскивают прозрачные камни, и это явно не

дешёвые стёклышки. Сумка... я как-то видела такую у нас на «Фабрике». Цена равнялась приблизительно десяти моим зарплатам. Дама, кажется, тоже кого-то ждала. Поглядывала по сторонам, а потом плавным движением отодвигала рукав и смотрела на золотые часы.

— Сейчас такси поймаем, — тем временем произнесла Сашка, заправив за ухо пепельную прядь. — В такую погоду к черту этот общественный транспорт. Не хочу страдать и ютиться.

— А потом отмывать белые сапоги, — заметила я.

— На себя посмотри, — фыркнула она.

А что? У меня красные ботиночки на платформе. Практично, логично и не так быстро пачкается. Ну если, конечно, не опускать ноги в лужу. Тогда будет куда проблематичнее что-либо отчистить.

Мы вышли из здания вокзала. Тут же налетел холодный ветер, пробрав до костей. Виталик возмущённо пискнул. Вот же трепло в кошачьем обличье. Не может молча страдать, всех непременно надо об этом оповестить.

Сашка выглядывала нашу машину в потоке медленно двигавшихся автомобилей. Вечно тут так. Не пробка, конечно, но такая... жидкая пробка. Ибо транспорт плетётся еле-еле, а народ всё прибывает и прибывает.

Я поставила Виталика на землю и сунула руки в карманы, притопывая, чтобы не замёрзнуть. Погодка тут своенравная. После родных югов

Люблю. Целую. Твоя крыша

вечно нужно время, чтобы привыкнуть к более прохладной столице и настроиться на её климат.

— Что, уже едете? — Сашка повторно набрала такси. — Пять минут? Ждём!

— Пять минут — очень растяжимое понятие, — сказала я, проследив, как мимо прошла седовласая дама, на которую я обратила внимание несколько минут назад.

Она остановилась возле дороги, чуть нахмурилась, потом открыла баснословно дорожную сумочку.

Зазвонил телефон, дама взяла трубку. И не заметила, как из сумки выскользнул чёрный цилиндрический футлярчик. Сделала шаг, приближаясь к дороге и не оглядываясь.

Я не раздумывала.

— Держи такси, — быстро сказала Сашке и, ускорив шаг, направилась к даме.

Старость надо уважать. И вообще... Можешь помочь — помоги. Однажды кто-то поможет тебе.

Наклонившись, я подхватила футлярчик и, догнав её, протянула со словами:

— У вас выпало.

— Ох, — выдохнула она, и пальцы с бело-золотым маникюром мягко его взяли. — Спасибо, дорогая. Вы меня спасли!

— Да прям, — немного смутилась я.

У неё оказался очень внимательный взгляд, такой... интеллигентно-пронизывающий. Смотрит — и как рентгеном просвечивает. Глаза,

правда, карие, очень красивые. Видимо, в молодости дама была изумительно хороша собой.

— Спасибо, — повторила она и улыбнулась солнечно так, тепло, будто родная бабушка.

— Всегда пожалуйста, — ответила я, невольно улыбнувшись в ответ.

— Витка! — крикнула Саша, замахав мне рукой и указав на серебристую «Шкоду».

Я побежала к ней, чувствуя, что мне смотрят в спину. Да уж, второй раз за день такая ситуация. То падающие мужчины, то теряющие фитюльки бабушки. И Сашка с Виталиком, одинаково угрюмо ожидавшие меня в машине.

Таксист попался из молчаливых. А ещё — очень быстро едущих. Поэтому возле дома Саши мы оказались в предельно короткие сроки.

— Дети там крышу не срывают? — осторожно спросила я, вспоминая малолетних бандитов.

— Наша крыша давно написала записку, что уехала, любит-обожает и вернётся... если захочет, — сказала Сашка, когда мы уже стояли возле кассы в магазине и нам пробивали товар.

Дело в том, что детей у неё трое. Оля, Эля и Коля. Шести, пяти и трёх лет соответственно. Дети разных отцов и одной матери. Все — белокурые ангелочки с невинными голубыми глазками, в которые смотришь и понимаешь, что счастье есть. Ровно до тех пор, пока это счастье не схватило игрушку и не стукнуло тебя по лбу. В три пары рук. Несмотря на то что троица Чу-

Люблю. Целую. Твоя крыша

бачей регулярно друг друга тузила, решая самые главные вопросы, кто любимый у мамы и чьи игрушки лучше, жили они весьма дружно и слаженно. Если враг — лупить вместе. Если кому-то что-то не подарили — опять же лупить вместе... дарителя. Маму они обожали. Меня, кстати, тоже. Ну а Виталик был просто номер один в списке детских хотелок.

Надо отдать ему должное, он ни разу никого не поцарапал и очень терпимо относился к тасканию своей немалой тушки по всей квартире. Дети от вынужденной покорности кота приходили в дикий восторг и каждый раз старались утащить со стола «что-то вкусненькое для Виталика». Виталик в это время довольно жрал мясо и рыбу, коими Чубач-мать щедро его раскармливала, и пребывал на седьмом небе от счастья.

Мы поднялись на лифте на семнадцатый этаж. Мой лимонный чемодан уже не был столь весёлого оттенка, ибо успел намокнуть и вымазаться. Даже сквозь плёнку, которой я его заранее обмотала. Вот что вечно расстраивает! Стараешься быть аккуратной, предусмотрительной, даже включаешь режим «яжедевочка» в отношении вещей, но... Обязательно на твоём пути встретится лужа. Или яма. Или брусчатка, покрытая деликатным слоем присохшей грязи. В общем... обязательно что-то будет. В итоге придёшь грязная, растрёпанная и страшная. Что не потеряешь, то забудешь. Что ни запланируешь — всё сорвётся.